

КАПИТАЛИЗМ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО¹

В. Г. Федотова

Институт философии РАН

Поступила в редакцию 18 декабря 2015 г.

Аннотация: социальное государство представляет собой исторически определенные типы государств, реализованные западным капитализмом, особенно в индустриальную эпоху для поддержания классового мира, социальной солидарности и взаимной ответственности государства, бизнеса, профсоюзов и гражданского общества за благополучие, достоинство, процветание граждан и развитие социальных сфер. Социальное государство явилось инновацией Запада, направленной на одновременное преодоление недостатков капитализма в сфере обеспечения социальной справедливости и социализма в сфере предоставления свободы.

Ключевые слова: социальное государство, модели социального государства, капитализм, глобализация, третий путь, гражданское общество, социал-демократия.

Abstract: the welfare state is a historically specific type of state pursued by the western capitalism especially in the industrial era to maintain class peace, social solidarity and mutual responsibility of government, business, trade unions and civil society for the welfare and prosperity of citizens and the development of social sphere. The welfare state being a western innovation aimed at simultaneous overcoming the disadvantages of capitalism in the field of social justice and socialism in the field of freedom.

Key words: welfare state, welfare state regimes, capitalism, globalization, the third way, civil society, social democracy.

Социальное государство и гражданское общество

Общий концепт западной демократии предполагает наличие ограничений в деятельности государства, идущих от общества. Общество, способное быть самостоятельным субъектом деятельности и благодаря этому ставить государство под особый контроль граждан, называется гражданским. Оно является самоорганизованным, структурированным, имеющим механизмы представительства и контроля над государством со стороны негосударственной сферы, политических партий, предпринимательских групп, профсоюзов и других неправительственных организаций, общественных движений, правозащитных групп и т.д.

По мере отхода Запада от кейнсианских трактовок роли государства в экономике гражданское общество одновременно стало рассматриваться как общество, самоорганизованное и институционализированное таким

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Социально-философский анализ современного российского капитализма» № 15-03-00580.

образом, чтобы сдерживать не только государство, но и рынок, не давать всему обществу быть подверженным логике рыночной прибыли. Рыночная экономика и демократическое государство функционируют при цивилизирующем влиянии гражданских ассоциаций и неправительственных организаций. Гражданское общество стало трактоваться как общество, способное поставить под контроль государство и бизнес. Ключевая формула демократического социального государства состоит в том, что на государство возлагаются арбитражные и цивилизующие функции, а на гражданское общество – контроль за бизнесом и государством. Социальное государство – это государство капиталистических обществ, применяющее некоторые меры защиты граждан, присущие социализму. Задачи демократического социального государства на Западе решались посредством институционализации социального контракта между государством и гражданским обществом, а конкретно – между государством, работодателями, профсоюзами, общественными ассоциациями и неправительственными организациями. Эти отношения построены на принципе солидарности, дополняемом, в случае необходимости, субсидиарным подходом. Основой достижения солидарности государства с другими социальными сферами является компромисс. Государство жертвует своим всевластием, поскольку сознательно берет на себя ответственность за состояние общества и желает разделить бремя этой ответственности с работодателями, профсоюзами и общественными организациями. Работодатели соглашались поддержать принцип обеспечения полной или приближающейся к этому занятости в обмен на уменьшения требований профсоюзов непрерывно повышать заработную плату. Профсоюзы смягчают это требование ради обеспечения полной занятости. Общественные организации уменьшают критику правительства и высказывают солидарность с его политикой ради достижения общего блага. Государство сотрудничает с ними ради уменьшения бремени собственной ответственности [1].

Благодаря этой политике демократические социальные государства индустриального Запада превратили рыночную экономику в социальную рыночную экономику. Кроме того, эти государства сыграли огромную роль в консолидации демократии и сплочении общества. Они обеспечили проведение эффективного курса на социальную справедливость посредством прогрессивного налога и его перераспределения.

Однако эти общие формулировки еще не дают возможности характеризовать разнообразие социальных государств и специфику их оснований.

Три типа социального государства

В 1990-е гг. датский ученый К. Эспинг-Андерсон выделил *три типа социального государства, которые были описаны им как три режима их функционирования: либеральное, консервативное и социал-демократическое социальное государство*. Все три типа социального государства окончательно сложились в 1950-е гг. XX в., до того подготавливаясь социальной политикой и формированием моделей, в отличие от разроз-

ненных акций и проявлений, которыми они описывались в период своего становления.

Либеральное социальное государство испытывает влияние либеральной политической экономии А. Смита. Оно наследовало его идею свободной торговли и идею реформированного либерализма, а также взгляды Дж. С. Милля о политическом регулировании. На этих основаниях оно могло обеспечить необходимый минимум для самых бедных слоев населения и усилить возможности развития бизнеса и связанного с этим роста благосостояния. Либеральное социальное государство давало скромное социальное страхование малоимущим, преимущественно рабочему классу, зависящему от государства, очень ограничивало тех, кто может претендовать на социальную помощь, стигматизируя их. Это государство поддерживает рынок, пассивным образом гарантирует только минимум социальной помощи, либо активным образом субсидирует частные формы вэлфера. Классические примеры этой модели дали США, Канада и Австралия. К середине XX в. сложились либеральные социальные государства в Европе (Австрия, Франция, Германия, Италия), в которых рыночная эффективность не рассматривалась как первейшая задача и казалась самоочевидной потребностью в социальных правах. Либеральному режиму социального государства был присущ процесс, называемый коммодификацией. Этот термин введен К. Марксом в ходе критики капитализма за то, что все большее число различных видов человеческой деятельности обретает денежную стоимость и становится товаром, подобным рыночному, заменяя персональные отношения, духовные, душевные связи экономическими.

Консервативное, или корпоративистское, социальное государство возникло в бисмарковской Германии, где видные ученые Ф. Лист, А. Вагнер, Г. Шмоллер, признавая эффективность рынка, отстаивали идею контроля над ним со стороны патриархальных структур и абсолютизма, призванных урегулировать хаос рынка и удержать рабочих от борьбы. Эспинг-Андерсон даже находит в Германии того периода термин «монархическое социальное государство». Лист обосновывал идеи национальной немецкой политической экономии, противопоставляя их интернационализму первой глобализации, вызванной в последней трети XIX в. английской свободной торговлей (Free Trade). С Листом полемизировал К. Маркс и соглашался С. Ю. Витте. По предложению Вагнера были приняты законы о страховании рабочих, призванные ослабить классовый конфликт. Шмоллер, как и Вагнер, был государственным социалистом, считавшим необходимым вмешательство государства в экономику. Корпоративистские режимы находились под влиянием церкви и следовали ее идеям поддержания традиционных ценностей и семьи. Социальное страхование исключало неработающих жен и поддерживало их только в случае материнства. Детские сады и прочие детские учреждения недостаточно поддерживались. Действовал принцип субсидиарности, применяемый в случае большого числа иждивенцев в семье.

Социал-демократический тип социального государства требовал экономической социализации. Он представлялся Эспинг-Андерсону не-большим, но расширившим принцип универсализма, распространяя социальные программы поддержки не только рабочих, но и среднего класса. Этот подход рассчитывал на парламентскую политику, способную обеспечить благосостояние рабочих и на значимость не только эмансипаторских идей, но и идей эффективности [2, с. 9–11]. Эспинг-Андерсон, используя терминологию Маркса, ратовал за декоммодификацию и считал социал-демократию способной ее осуществить. В этом типе социального государства социальная политика была адресована не только рабочему классу, но и среднему классу в предположении, что льготы рабочего повышались до среднего класса, а также количество его прав начинало соответствовать правам среднего класса. Все страты общества при социал-демократии охватывались универсальной системой страхования. «Эта модель, – пишет Эспинг-Андерсон, – вытесняет рынок и ... конструирует сущностно универсальную солидарность социального государства. Все выигрывают, все зависят и все предположительно будут считать себя обязанными платить», «вместо того, чтобы терпеть дуализм государств и рынка, рабочего класса и среднего класса, социал-демократы имели целью формирование социального государства, которое бы обеспечило равенство на основе высших, а не минимальных стандартах, как это делалось всюду» [2, с. 28, 27]. В противоположность корпоративистски-субсидиарной модели, социал-демократическая модель социального государства предлагала не просто ждать, пока возможности семьи обслуживать себя истощатся, а идти на опережение, предотвращать это путем максимизации возможностей индивидуальной независимости. Социал-демократическая модель представляется Эспинг-Андерсону соединяющей либерализм (капитализм) и социализм. В результате только этот тип социального государства берет на себя такие мощные обязательства, как забота об обществе в целом, а не только о его остро нуждающихся в помощи граждан (детях, стариках, беспомощных гражданах). Государство несет огромные обязательства по социальным помощи и совершенствованию общества: минимизировать социальные проблемы и максимизировать доходы. Это осуществляется при условии, что большинство людей работает, чего не было, например, в отношении женщин, сначала ни в социал-демократии, ни в других типах социального государства. Это единственная модель социального государства, которая осуществляет феминистские стремления. Социал-демократия не отказывалась от социалистической идеи, но осуществляла свои программы исходя из конкретных условий рыночного хозяйства, политической демократии и социальных интересов.

Обобщая три мира (типа, режима) социального государства, Эспинг-Андерсон пишет фактически о том, что им выделены идеально-типические модели, которых на деле в чистом виде не существует, поскольку они заимствуют элементы друг друга. Так, США, имевшие преобладающе либеральную модель, являлись редистрибутивными в от-

ношении чрезвычайно бедных, а Новый курс Ф. Д. Рузвельта был социал-демократическим. Европейские же консервативные режимы усвоили черты как либеральных, так и социал-демократических моделей.

Эспинг-Андерсон отвечает на вопрос о причинах существования трех миров (типов, режимов) социального государства и способа выбора модели различными странами. Там, где левые были слабы, возникли либеральные модели (англосаксонские страны). Сильные консервативные и христианско-демократические партии привели к консервативной модели социального государства. Развитые партии левого крыла в северных странах создали социал-демократические государства.

Развитие идей социального государства

Двадцать пять лет спустя после выхода книги К. Эспинг-Андерсона в 1990 г. появилась небольшая статья швейцарца П. Эммергера, датчан Я. Квиста, П. Маркса и К. Петерсона «Миры капиталистического социального государства: создавая классику», опубликованная в 2015 г. [3, с. 3–13]. В этой статье они показывают, что идеи Эспинг-Андерсона, пройдя проверку временем, превратились в классику, приметам которой являются шесть признаков, которые они находят в работе Р. Е. Гифта и Я. Крислова: 1) полученные ранее результаты снова ведут к озарениям; 2) то, что прежде было сделано по обсуждаемой теме, учитывается либо путем синтезирования идей, либо путем негативного отталкивания от них; 3) концепция стала стандартом для отсылок по этой дисциплине для неспециалистов; 4) она инициирует более широкие дискуссии по предмету исследования; 5) влияет на исследования за пределами дисциплины, в которой это знание получено; 6) влияние концепции становится кросскультурным и не имеющим временных ограничений, что требует нового прочтения труда [4, с. 27–32]. Приведя обширную критику классического труда Эспинг-Андерсона, авторы статьи подтвердили своим исследованием соответствие его критериям классичности. Можно добавить еще один аргумент: сегодня мы встречаем все те же три режима или типа социального государства.

В либеральной трактовке социального государства последнее долгое время было ответственно лишь за материальное благополучие людей. Так, Л. фон Мизес в 1927 г. в работе «Либерализм» ясно пишет: либерализм «в конечном счете ... не подразумевает ничего, кроме повышения материального благополучия людей, и напрямую не касается их внутренних, духовных и метафизических потребностей. Он обещает людям не счастье и умиротворение, а лишь максимально полное удовлетворение всех тех желаний, которые могут быть удовлетворены с помощью вещей внешнего мира» [5, с. 14]. Либеральная концепция представляется Мизесу адекватной капитализму: «Демократия – это такая форма политического устройства, которая позволяет приспособлять правительства к желаниям управляющих без насильственной борьбы» [5, с. 45]. Позже, в 1950-е гг. Мизес отрицал значение материальных причин, которые интересовали большинство экономистов, и особое вни-

мание обращал на идеи как причину подъема и упадка экономики. По мнению одного из исследователей вопроса, «...такая позиция настолько выбивалась из принятого в экономическом мейнстриме подхода, что на нее просто не обратили внимания. Да и считали к тому времени Мизеса экономистом очень немногие – ему скорее отводили роль философа» [6, с. 230].

Попытка социологизировать эту проблему и даже политизировать ее в классическом труде Эспинг-Андерсона получила продолжение в дальнейших трактовках социального государства. По мере развития концепции социального государства и отказа его сведения к исключительно распределительным задачам, ситуация изменилась. Либералы сегодня не возлагают на капитализм только одну форму социальной ответственности – материальное обеспечение людей. Впоследствии Мизес «отбросил все материальные причины» [там же].

Наши трактовки либерализма 1990-х гг. были предельно политизированными, настаивающими на свободе предпринимательства и демократии без учета возможностей недавно коммунистического и в значительной степени авторитарного общества перейти в свою противоположность. Они также упускали из вида исторически сложившиеся формы либерализма, которые различались способами ответа на задачи эпохи. Первый либерал Дж. Локк в XVII в. заботился о том, чтобы освободить общество от феодальных пут и религиозных установлений, которые слишком ограничивали человеческую деятельность. Либеральный экономист А. Смит хотел в доиндустриальную эпоху дать возможность ремесленникам осуществлять свободную экономическую деятельность. Только в XIX в. появляется либерализм И. Бентама и Дж. С. Милля, который направлен на утилитарные цели, и в либеральном XIX в. строится первый модерн, капиталистическое общество, которое изучали и Маркс, и либералы, и консерваторы.

Российский либерализм 1990-х гг., а нередко и сегодняшний, слабо определен в отношении своей политической формы. Статус Российского государства как социального закреплен в нашей Конституции в ст. 7. Оно трактуется в первой части ст. 7 как государство, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Во второй части этой статьи Конституции РФ говорится, что в Российской Федерации «охраняется труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» [7]. Это определение не дает понять, в системе какой политической идеологии дается эта характеристика. Между тем существуют большие различия в трактовке социального государства, обусловленные политическим мировоззрением.

Даже у современных либералов, например, у Дж. Ролза в его книге «Теория справедливости», имеется «привкус» нравственного вопроса. И он

здесь формулирует ответ: справедливость как честность. Как экономист, либерал может решить вопрос о справедливости как честности, выходя за пределы экономических задач? Ролз ввел понятие «вуали неведения», согласно которому человек не знает, что с ним будет в дальнейшем. Можно спросить у того, кто сегодня находится наверху жизненного успеха, богатства, в добром здравии, способен ли он представить, что может оказаться внизу социальной и экономической иерархии из-за болезни, потери работы или бизнеса, каких-либо несчастий? Будучи честным человеком, он ответит «Да». А если это так, готов ли он в нынешней хорошей для него позиции помочь кому-то для того, чтобы кто-то когда-то смог помочь ему, если он признает, что завтра и он можете оказаться на дне? И если человек может подтвердить это, его честность состоит в том, чтобы согласиться на максимизацию минимума. Это не призыв к чему-то доброму, хорошему – это рациональный расчет, и в страховых системах используются концепции Дж. Ролза и других либералов. Таким образом, Ролз вносит в свою либеральную концепцию моральный принцип справедливости как честности. И, как обычно, либерализм продолжает оставаться на позициях права, а не блага. Он по существу подтверждает позицию классика теории социального государства Эспинг-Андерсона о несводимости либерального режима социального государства к экономическому фактору.

Продолжает существовать *и консервативный режим социального государства*. Например, коммунитаристская модель предлагает ориентироваться на общественные ценности, прежде всего, а не на свободу предпринимательства. Но ее эффективность выше в общине, чем в обществе. Кейнсианская позиция говорит о том, что вмешательство государства позволяет сбалансировать интересы и ценностные ориентации общества. Экономисты не могут представить универсального решения на все времена. Существуют варианты посткоммунистического корпоративизма, который авторы статьи о классическом характере труда Эспинг-Андерсона относят к 1990-м гг. [3, с. 8], но думается, что не только к ним. Многие авторитарные режимы, имеющиеся в мире, осуществляют поддержку населения весьма значительную и в экономической сфере, и в сфере образования, жилищной политики и пр. Но термин «социальное государство» сформировался преимущественно для капиталистических стран. Глобализация сделала возможным распространение этого понятия на незападный мир, сделав это понятие атрибутом стран, перешедших к капитализму, и даже некапиталистических государств, проводящих социальную политику.

Существует *и национальная социал-демократия как договор между буржуазией, работниками и государством* о том, что рабочие не требуют повышения зарплаты, буржуазия не увольняет рабочих, а государство следит за поддержанием этого контракта.

Глобализация и три типа социального государства

Глобализация в широком смысле – это процесс расширения всемирных связей взаимозависимостей, совпадающий с развитием всемирной

истории, в которой эти связи возрастают. Появление неких универсальных исторических единиц имело место всегда, а не только в связи с процессами, которые сегодня стали называть глобализацией. И капитализм, и Вестфальская система, которая сделала национальное государство мировым институтом, и Филадельфийская система, которая сделала демократию мировой системой, это все вехи на пути глобализации в широком смысле – установления общности человечества. Но термин «глобализация» не применялся для обозначения этих процессов и даже не использовался для характеристики первой глобализации последней трети XIX в., которая обозначалась как свободная торговля. Новая, вторая глобализация явилась сначала чисто экономическим процессом, который обозначал продвижение капитала на прежде закрытые для него и недоступные из-за коммунистических режимов территории. Это тоже свободная торговля, вызванная распадом коммунизма. Поначалу казалось, что это победа глобального капитала над национальными интересами стран – то, о чем говорили Ф. Лист и С. Ю. Витте в период первой глобализации. Ключевые точки второй (сегодняшней) глобализации – свободная торговля, революции в технике, информатизация, чрезвычайное снижение таможенных барьеров, потеря национальной валютой своего «патриотизма», победа капитала над национальными интересами. Но опыт Китая показал, что имеется возможность использовать новую глобализацию для осуществления национальных экономических интересов, когда произведены национальные товары, востребованные в мире. Китай стал чемпионом глобализации. Общей теоретической констатацией сегодняшнего дня является то, что коммунизм погиб из-за неспособности ответить на вызов постиндустриальной эпохи в связи с политической и информационной закрытостью, государственным информационным контролем и отсутствием рынка.

Противоречия между функционированием капитала и порожденной им социальной субстанцией при разных формах развития различны. Там, где капитал функционировал, не затрагивая социальных субстанций, происходила колонизация. При вестернизации функция капитала сохранялась и происходило вмешательство в культуру, остальные сферы практически оставались неизменными. «Догоняющая» модернизация была направлена на то, чтобы обеспечить капиталу адекватность всех субстанций, т.е. достичь институционального сходства с западными капиталистическими обществами, вырваться из незападного капитализма. Развитие на основе собственной идентичности, наблюдаемое в Юго-Восточной Азии, сохраняет культуру, вносит изменения в другие сферы для обеспечения активности капитала, но вместе с тем сохраняет неадекватную (немодернизированную) социальную субстанцию. И наконец, глобализация капитала делает его безразличным ко всем социальным субстанциям незападных обществ, останавливает Запад в попытках принять участие в определении их судьбы и предоставляет этим обществам самим решать, куда и как им идти. Функции капитала в Рос-

сии будут такими же, как и во всем мире. Это неизбежно. Но нам выбирать, что произойдет с ее субстанциями и с ней самой, и этот выбор сегодня очень ограничен. Глобализация сузила национальные возможности влиять на экономику. Этот вызов поставил под вопрос возможности построения социального государства в развивающихся странах. Общей теоретической констатацией сегодняшнего дня является то, что коммунизм погиб из-за неспособности ответить на вызов постиндустриальной эпохи в связи с политической и информационной закрытостью, государственным информационным контролем и отсутствием рынка. Глобализация расширяла свои возможности, увеличивая обмен товарами, капиталами, идеями, людьми – студентами, учеными, рабочими, туристами и пр. Но она не стала тем способом формирования единого человечества, который вначале ожидали от нее получить социальные романтики. Это имело последствия для всех трех моделей социального государства. По мнению известного немецкого социолога У. Бека, социальные государства проигрывают от процесса глобализации: «Они попали в затруднительное положение из-за социальной политики в эпоху экономического глобализма: развитие экономики уходит из-под национально-государственного контроля, в то время как социальные последствия этого процесса – безработица, миграция, нищета – накапливаются в системе национального социального государства» [8, с. 32].

Либеральная модель социального государства утратила свою сложность и ориентацию на эффективность и минимальную помощь слабозащищенным слоям. Она на отдельных этапах и в отдельных странах, особенно посткоммунистических, доходила до социал-дарвинистских состояний. Но потенциально у нее есть возможности, которые сегодня реализуются в политике вэлфера на Западе. В сфере либеральной модели остаются как те попытки справедливого распределения и моральной ответственности, которые мы видели у Дж. Ролза, но они успешны в национальном социальном государстве и трудно глобализируются. Возникли большие проблемы в толковании прав индивида, в соседстве экономического роста с появлениями новых очагов бедности и корпоративизма. Либерализм стал отличаться на глобальном уровне отсутствием связи с социальным государством, ибо глобального государства не существует.

Консервативная или корпоративная модель позаимствовала у прежней либеральной модели идеи минимальной помощи самым незащищенным слоям, которые глобально тоже трудно осуществимы, позволят обогащаться многообразным кланам. Стремление к национальным моделям развития и социального государства глобально также невыполнимо.

Наибольшие потери из-за глобализации испытала *национальная социал-демократия и ее модель социального государства*. Сейчас национальные социал-демократии находятся в чрезвычайно уязвимой позиции из-за глобализации, которая позволяет капиталу убежать туда, где выгоднее, не считаясь с границами национальных государств. Только

патриотизм или национализм могут удерживать капитал от отказаться от большей прибыли, а в остальном происходит разрушение социал-демократии в существовавшем прежде и все еще существующем виде. Но, возможно, она в другом виде может еще иметь перспективы.

«Третий путь» как модель глобальной социал-демократии

Попытку реформирования социал-демократии в условиях глобализации предпринял в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Э. Гидденс, тогдашний директор Лондонской школы экономики, продвигая Т. Блэра на высший государственный пост в условиях глобализации. Предложенная Гидденсом концепция называлась «третий путь» и была использована не только Т. Блэром с его стремлением к новому лейборизму, но Б. Клинтон, Г. Шрёдером, Л. Жоспенем. Название «третий путь» символизировало противостояние новых идей как старым левым, так и правым взглядам – «первому» и «второму» путям. Гидденс осуществил сдвиг своей позиции в правую часть политического спектра с сохранением и своих позиций слева. Критика обвиняла сторонников «третьего пути» в предательстве левой идеи и в переходе на правые позиции.

Место Гидденса на правом фланге определялось тем, что он считал невозможным игнорировать свершившийся факт глобализации и вызовы, которые она бросает даже Западу. Речь шла о полезности «третьего пути» для *Запада и особенно для англосаксонского мира*. При этом национальные социальные демократии различались между собой, занимая достаточно большой политический спектр – от рыночно ориентированного подхода новых либералов в Великобритании до модели реформирования социального государства в Швеции и приоритетности государства во Франции. Их можно обозначить как глобальные модели «третьего пути», если бы нашлись страны, которые могли бы их заимствовать.

Отношение к глобализации различалось: у старых левых как к угрозе, у новых левых – как к вызову, на который надо отвечать, у новых правых – как к выгодному процессу.

Гидденс считал, что пятисотлетнее модернизационное развитие Запада превратило Запад в своего рода традиционное общество, нуждающееся в инновациях. «Третий путь» он рассматривал как новую модернизацию в условиях глобализации, ведущий к *новой современности*.

«Глобальный третий путь» претендовал на возможность распространения этой западной модели (или моделей, различных в разных странах Запада) в незападные страны и суммарный эффект улучшения ситуации в мире.

Базовая модель глобальной социал-демократии «третий путь» конца XX в. включала реформу государства в новых условиях (при глобализации); поворот к социальному государству в особом новом смысле как государству, имеющему не только национальную, но и глобальную ответственность; ответственность за снижение неравенства; рост влияния гражданского общества; новые формы социального контроля, связыва-

ющие права с ответственностью; переход к ответственному капитализму; разработку новых концептов социальных благ и социального равенства; комбинацию индивидуализма и коммунитаризма; ревизию понятия «социальное благосостояние»; новое отношение к проблеме занятости, принимающее во внимание нестабильность экосистемы; сохранение устойчивости экосистемы при развитии; создание условий развития человеческого потенциала; признание значимости социального и человеческого капитала; формирование способности жить в глобальном мире, чтобы чувствовать ответственность за мир. «Третий путь» был глобален в том смысле, что предполагал глобальное распространение моделей, примененных в разных странах Запада. Однако эта гипотеза не подтвердилась. Социальное государство в незападных некапиталистических странах приобретало собственные паллиативные формы, ибо инновации «третьего пути» еще не были востребованы многими, особенно развивающимися странами.

«Третий путь» был попыткой социал-демократии отреагировать на новые вызовы, среди которых были электоральные потери, сдвигавшие ее с левого фланга к центру в связи с ростом среднего класса и уменьшением численности низкоквалифицированных рабочих. «Третий путь», или проект глобальной социал-демократии, явился альтернативой старым левым и правым, капитализму и социализму и до некоторой степени обозначил путь к их конвергенции. В его фокусе – образование, экология, этика и экономика. Это версия глобальной социальной демократии, распространенная в конце XX и самом начале XXI в. Несмотря на то, что этот проект предназначался в большей мере для европейской интеграции, он привлек неевропейские и западные страны тоже, обозначив свои притязания на глобальную значимость. Однако этот проект не получил глобальной распространенности из-за различия задач развитых и развивающихся стран.

Дальнейшие попытки глобализации социал-демократии

Существует немало программ, не претендующих на концептуальное решение проблем социальной демократии, особенно глобальной, и социального государства, но пользующихся методами частичного уменьшения неравенства и несправедливости, соответствующими ее духу. Есть движения и практики, ориентированные на справедливое распределение и способствующие демократическим сдвигам в глобальном масштабе. Превращение социал-демократии в глобальную пока не имеет адекватной модели. После модели «третьего пути» не было получено новых предложений о таком проекте. Однако есть ряд концепций и практик, которые можно обобщить как социал-демократические: использование влияния *налога Тобина*², одобренного Еврокомиссией 14 февраля

---

² Налог Тобина – налог на глобальные финансовые потоки, трансакции, на операции по конвертации валют, делающие борьбу с бедностью актуальным макропроектом (*прим. авт.*).

2013 г. для 11 стран; введение *налога Робина Гуда*³; акции защиты природы; недопущение экспериментов в производстве продуктов потребления и прежде всего питания, угрожающих здоровью и жизни человека, ликвидация трущоб, борьба с антисанитарными условиями и болезнями, распространение которых сегодня значительно ускорено перемещением людей; система *fair trade* (справедливая торговля) – особая рыночная модель международной торговли, которая улучшает условия труда, охраняет права, обеспечивает адекватную стоимость произведенного и защиту окружающей среды; введение микрокредитов и семейных субсидий банками развивающихся стран; миссии антибедности и пр.

В нашей статье «Есть ли шанс у глобальной социал-демократии?», опубликованной в журнале «Полис», нами сделано предложение, в котором глобальная социал-демократия может легитимизировать себя, обращаясь к опыту национальных социал-демократий. Этот опыт состоял в том, что национальные социал-демократии тоже ограничивали своеволие капитализма, формировали социальные государства. И они были приняты во многих странах Запада после Октябрьской революции из-за страха перед революциями. Мы предлагаем посмотреть на мир богатых и бедных стран как своего рода сходных с теми оппонентами, которые вызвали к жизни национальную социал-демократию. Наша идея глобальной социал-демократии состоит в том, чтобы «заменить» в этом контракте людей странами. Тогда глобальная социал-демократия станет контрактом между группами богатых и бедных стран, побудит к взаимными обязательствам. Идея может показаться утопический, но и национальная социал-демократия казалась утопией, пока не была воспринята главная угроза – революция и гражданские войны. Сегодня угроза исходит от иммиграции, вызывающей взаимное осложнение для формирования идентичности мигрантов и коренных жителей, невозможность интеграции и затруднения даже с культурной фрагментацией [9, с. 110–126]. Создается угроза терроризма, социальных конфликтов и препятствий для культурного взаимодействия.

Можно сегодня предложить *идею*, согласно которой *богатые страны платят налог тем бедным странам, кто предпочитает развивать собственную страну и не стремится эмигрировать*. (Кстати, такое предложение встречается и среди выделенных микропроектов.) Бедные страны используют налоги, вносимые богатыми государствами и теми из развивающихся стран [там же], которые готовы уже к такому участию, с целью избежать массовой миграции в развитые страны, влекущей этнические и расовые конфликты, кризис идентичности. С. Хантингтон в работе «Кто мы?» начинает рассказ с истории мексиканцев, имеющих американское гражданство, которые на стадионе в Лос-Анджелесе, бо-

---

³ Налог Робина Гуда – налог на банковские транзакции, который, в отличие от налога Тобина, включает более широкий спектр финансовых операций – покупку и продажу акций, аукционов, фьючерсов, бондов, т.е. расширяет список трансакций, облагаемых налогом (*прим. авт.*).

лея за мексиканскую команду, напали на тех, кто вывесил американский флаг. Он был поражен тем, что люди, стремившиеся в США из-за нищеты, приехав в страну, получив ее гражданство, сегодня становятся ее врагами: «В прошлом иммигранты не скрывали слез радости, когда, преодолев многочисленные тяготы пути, они видели перед собой статую Свободы. Они охотно отождествляли себя со страной, предлагавшей им свободу, работу и надежду, и нередко становились наиболее патриотичными из граждан США. В 2000 году соотношение между "коренными" американцами и рожденными за рубежом, было, пожалуй, меньше, чем в 1910 году, однако соотношение между "американскими" американцами и теми американцами, которые идентифицировали себя со странами своего рождения, а не с США, было, как представляется, едва ли не самым высоким со времен Американской революции» [10, с. 24–25]. И это происходит сегодня всюду, и чаще не по вине принимающих стран, а из-за культурных, образовательных, профессиональных различий, различий в идентичности.

Итак, до Первой мировой войны социал-демократами называли всех левых, включая марксистов. Сегодня это понятие имеет расплывчатое содержание, в особенности если речь идет о глобальной социал-демократии, адекватной глобальному капитализму. Национальная социал-демократия возникла из-за страха перед социальными битвами и классовыми боями в странах Запада после Великой Октябрьской революции. Казавшаяся прежде невозможной, национальная социал-демократия после Второй мировой войны обеспечила классовый мир и продуктивное сотрудничество классов, справедливое распределение. Сегодня она подвергается испытаниям, вызванным глобализацией – возможностью капитала покинуть страну и переместиться туда, где выгодно.

Модели социального государства Запада и сегодняшнее положение социальных государств в глобализованном мире исследуются нами как методологическая предпосылка изучения российского капитализма как в дореволюционный период, так и в настоящее время.

Литература

1. *Мацонашвили Т.* Проблема перестройки социального государства в Западной Европе / Т. Мацонашвили // Pro et Contra. – Лето 2001. – Т. 6. – № 3. – С. 105–127.
2. *Esping-Andersen C.* The Three Worlds of Welfare Capitalism / C. Esping-Andersen. – Princeton : Princeton University Press, 1990. – 264 p.
3. *Emmenegger P., Kvist J., Marx P., Peterson K.* Three Worlds of Welfare Capitalism : the Making of a Classic / P. Emmenegger, J. Kvist, P. Marx, K. Peterson // Journal of European Policy. – 2015. – Vol. 25(1). – P. 3–13.
4. *Gift R. E., Krislov J.* Are There Classics in Economics? / R. E. Gift, J. Krislov // Journal of Economic Education. – 1991. – № 22(1). – P. 27–32.
5. *Мизес Л.* Либерализм / Л. Мизес. – Челябинск : Социум, 2014. – 299 с.
6. *Заостровцев А.* О развитости и отсталости. Как экономисты объясняют историю? / А. Заостровцев. – СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2014. – 247 с.

7. Конституция РФ. – СПб. : Литера, 2014. – 48 с.
8. Бек У. Что такое глобализация? / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
9. Федотова В. Г. Есть ли шанс у глобальной социал-демократии? / В. Г. Федотова // Полис. – 2015. – № 3. – С. 110–126.
10. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – М. : АСТ, Транзиткнига, 2004. – 635 с.

Институт философии РАН

Федотова В. Г., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социальной философии, руководитель научного направления «Социальная философия и развитие гражданского общества в России»

E-mail: valentina_fedotova@front.ru

Тел.: (495) 697-98-93

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Fedotova V. G., Doctor of Philosophy, Professor, Principal Research Fellow of Social Philosophy Department, Head of Research In «Social Philosophy and Development of Civil Society in Russia»

E-mail: valentina_fedotova@front.ru

Tel.: (495) 697-98-93